

Бируте Синочкина

Вильнюсский университет

Saltoniškių gt. 21 – 9, LT-2004 Vilnius, Литва

Тел.: (370 – 2) 790223

E-mail: bisin@delfi.lt

РЕЧЬ КАК ЗЕРКАЛО САМОИДЕНТИФИКАЦИИ (СТАРОВЕРЫ ЛИТВЫ О СЕБЕ)

В статье анализируется материал словарной картотеки старообрядческих говоров Литвы. Этот анализ позволяет прийти к определенным выводам относительно самоидентификации староверов, живущих в инонациональном и иноконфессиональном окружении. Записи их речи свидетельствуют о том, что они отличают себя как от местных православных русских, так и от русских метрополии. Осознавая специфику своего говора, старообрядцы склонны увязывать ее с приверженностью старой вере, традиционным жизненным устоям, стремлением сохранить в неприкосновенности все то, что было завещано дедами и прадедами.

Наличествующие в говоре синонимы старообрядцы противопоставляют как старое/новое, свое/чужое, простое/ученое, деревенское/городское.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: старообрядец, старовер, самоидентификация, этно-конфессиональная принадлежность.

Русские говоры, в том числе островные, переселенческие, никогда не были обойдены вниманием лингвистов. Однако лишь с ростом интереса к языковой личности в лингвистике в целом¹ стала очевидной необходимость изучения языкового сознания носителей говоров². Это требование представляется непреложным применительно к старообрядческим говорам, удивительную выживаемость которых в иноязычном окружении нельзя объяснить без учета специфики старообрядчества как особого этно-конфессионального единения, сознательно нацеленного на неприятие новшеств, ревностно стремившегося оградить свой быт и традиционные формы материальной и духовной культуры от каких бы то ни было посягательств внешнего, «чужого», мира.³

Главными мотивами массовой эмиграции россиян-староверов в Польшу и Литву в XVIII в. явились религиозные гонения на раскольников, последовавшие за никоновскими церковными реформами середины XVII в., а также социальный гнет, испытываемый крестьянами и посадским людом в России. В поисках свободы вероисповедания в соответствии с древними традициями и лучших социально-экономических условий существования старообрядцы бежали за рубеж и основывали свои поселения там, где

¹ См.: КАРАУЛОВ Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. Москва, 1987; Серебrenников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. Москва, 1988.

² НИКИТИНА С. Е. *Устная народная культура и языковое сознание*. Москва, 1993.

³ В эпоху воинствующего атеизма не приходилось ожидать внимания к каким бы то ни было различиям между потребителями «опиума для народа», поэтому неудивительно, что термин «старообрядческий» повсеместно (отчасти вынужденно) заменялся более широким и неопределенным «старожильческий», даже когда речь шла о говорах именно старообрядцев.

условия жизни оказывались для них благоприятными. Характерные для старообрядцев эсхатологические настроения также в немалой степени способствовали тому, что они покидали насиженные места и компактно селились на необжитых землях.

Исторические данные свидетельствуют о том, что бежавшие в Литву старообрядцы в основном относились к весьма радикальному старообрядческому толку беспоповцев-федосеевцев. По их религиозным воззрениям, на Земле воцарился антихрист, истинное православие во многом утрачено, а поэтому они не признавали не только целого ряда святых таинств, но и священства как такового: в царстве антихриста церковь уже не выполняет роли посредника при общении с Богом. У беспоповцев поэтому нет священников в традиционном понимании, а богослужениями руководит и различные церковные обряды отправляет наставник, избираемый членами старообрядческой общины из своей среды. Эсхатологические настроения побуждали беспоповцев до предела ограничивать сношения с «чужим» внешним миром и, насколько возможно, избегать государства.⁴

Именно обращенный в прошлое идеал старообрядцев способствовал, в частности, хорошей сохранности вынесенного ими с родины говора, исконной лексики. «Лексика островных русских говоров, носителями которых являются старообрядцы, развивается в уникальных условиях двойной изоляции. Эта изоляция обусловлена спецификой самосознания старообрядцев как хранителей старой веры, с одной стороны, и иноязычным окружением – с другой»⁵.

Предметом рассмотрения данной статьи является речь русских староверов Литвы в восприятии самих носителей говора. Те, кто хоть однажды слышал эту неповторимую «говорку» с ее фонетическим своеобразием, особенностями лексики и отличиями грамматического строя, пожалуй, уже не спутает ее с каким-либо иным территориальным либо социальным вариантом русской речи. Очевидно, эти отличительные качества собственной речи должны были подмечаться и как-то оцениваться диалектоносителями. Предлагаемое вниманию читателя исследование и представляет собой попытку определить, какова самоидентификация старообрядцев Литвы, издавна живущих в иноязычном (часто – в мультиязычном) окружении, и как они расценивают свою особую речь.

Материалом для моих наблюдений послужили полевые записи экспедиций в места компактного проживания старообрядцев, которые регулярно проводились студентами и преподавателями Вильнюсского университета в 60–70-е годы⁶. В течение многих лет студенты под руководством преподавателей по окончании второго курса проходили двухнедельную диалектологическую практику, беседуя со старообрядцами и фиксируя их речь. Наиболее ценное из этих записей было занесено в

⁴ Подробнее см. об этом: ПОТАШЕНКО Г. *Старообрядцы и общество Великого княжества Литовского в XVIII веке: религиозная терпимость и ее причины* // Русские староверы за рубежом: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия, IV. Тарту, 20006 с. 139-153.

⁵ ЛЁННГРЕН Т. *Лексика русских старообрядческих говоров* (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине). Уппсала, 1994.

⁶ Пользуясь случаем, не могу не высказать слов благодарности всем студентам и коллегам, причастным к этой многотрудной работе, и прежде всего диалектологу доц. М. СИВИЦКЕНЕ, под чьим руководством картотека долгие годы пополнялась и упорядочивалась.

словарную картотеку, хранящуюся на кафедре русской филологии Вильнюсского университета. Картотека составлялась как база данных для областного словаря дифференциального типа, поэтому в нее попали прежде всего слова, неизвестные в современном русском литературном языке или чем-то отличающиеся от соответствующих им литературных. Слово, вынесенное на карточку в качестве заголовочного, обычно снабжается «переводом» на литературный язык и иллюстрируется примером употребления, представленным в упрощенной фонетической транскрипции. На карточке указано, где (район и населенный пункт) и когда была произведена запись⁷.

Иллюстрация, как правило, ограничивается одним предложением, но если слово называет этнографическую реалию, контекст может быть и более пространным, дающим представление о денотате. Так, наименование блюда традиционной старообрядческой кухни может иллюстрироваться более или менее подробным рассказом носителя говора о том, как это блюдо готовится. Ср.:

КАРТОФЛЯНИКИ. А яшчо картофляники пякём, коло их работы много, облупить, отстудить (sic!). Есть пест и ступа, столкём, раскатаем, начинку справляем с капусты, морковки, крупы с творогом, капуста, морковка – жареная, когда зачиним на под можно садить, как хлебы, мажем или салом или маслом, горазд вкусные (Бирж. р-н, дер. Кведаришки, 1964 г.)⁸.

СЕЧЁНКА. Сячёнка – бярут сырую картошку, сякут на мелкия кусочки, добавляють пшаничных круп и ставят в печку. Там тушится йона. Потом добавляють коровье масло и ядут (г. Зарасай, 1966 г.).

Встречаются в картотеке объяснения типа энциклопедических, обобщающие, как можно предположить, наблюдения самого собирателя:

КОРФА. Очень большая, из прутьев, корзина цилиндрической формы. Ее носят на спине, перекинув веревку через плечо. Употребляется для разноски сена для скота. Такие корфы еще имеются, однако исчезают из обихода (Шяул. р-н, дер. Гилайняй).

Иногда информация энциклопедического характера сопровождается и текстовым примером употребления слова в речи старообрядцев. Именно так поступили составители картотеки при семантизации слова *лесенка*, называющего специфические старообрядческие четки, облегчающие подсчет молитв и поклонов (более известные как *лестовка*):

ЛЕСЕНКА – это лента из кожи или материала, состоящая из петель, в которые продеты туго скрученные бумажные жгутики. Получается волнистая поверхность, напоминающая ступеньки лесенки. На каждую ступеньку молятся и кланяются. Лента соединяется, и в месте соединения от

⁷ На самых старых карточках год записи не ставился, а в отдельных случаях опущен по недосмотру.

⁸ Здесь и далее в текстовых примерах используется предельно упрощенная транскрипция, позволяющая орфографически передать специфику звукового облика диалектного слова и не затрудняющая восприятие текста. Список сокращений районов записи приводится в конце статьи.

нее отходят треугольные кожаные листочки, символизирующие землю и небо.

Лесянки с мантирьяла (sic!) шьют или с хорошей кожи (Игн. р-н, дер. Тумалины, 1966).

Общий объем картотеки – около 50 тысяч словоупотреблений, зафиксированных в 12 районах Литвы, в основном на ее северо-востоке и в центральной части.

Картотека, на мой взгляд, представляет собой несомненную ценность уже потому, что в какой-то мере (причем достаточно широко во времени и пространстве) позволила запечатлеть постепенно уходящую самобытную народную речь, и попавшие в нее сведения теперь во многом уже невосполнимы. Зафиксированные в картотеке тексты позволяют судить, среди прочего, и о том, как воспринимают себя и свою речь носители старообрядческих говоров⁹.

Каково же это самоопределение старообрядцев Литвы в плане этнической, конфессиональной, языковой, культурной и прочей отнесенности? Прежде всего следует отметить, что старообрядцы всегда отождествляли себя с русскими, хотя и отличали от живущих в Литве православных, а также от «материковых» русских – *расейских*. Русские из России (чаще всего – нестароверы) воспринимаются ими как пришлые, недавние переселенцы. Приведу типичные примеры подобного разграничения: *Дочь вышла за расейского* (Йон.), *Папка старовер, а matka расейская* (Шяул.), *Расейцы были сюда эвакуированы* (Зар.). Православных русских староверы пренебрежительно называют *обливанцами* – по весьма существенному для староверов различию в обряде крещения: окроплением святой водой у православных и полным погружением в купель с водой у старообрядцев. Конфессиональные различия для старообрядцев не менее важны, чем этнические. Ср., например, четкое разграничение ими «своих» и «чужих» культовых зданий: *В Поневеже и православная церква есть и русская моленна* (Аник.).

Столь же упорно, по данным вильнюсской картотеки, литовские староверы подчеркивают не только свою «русскость», но и «природность», по праву считая себя местными уроженцами и отмечая давность (а некоторые информанты – даже исконность) бытования старообрядцев в Литве. Ср.: *Мы здесь природные* (Зар.), *Природа литовская, здесь и дяды и прадеды* (Шяул.), *С веку тут наши старообрядцы, тут родивши* (Игн.), *Здесь родились и отцы наши и отцовские отцы и деды* (Рок.), *Здеиние мы, давнѣшние* (Аник.). Память о глубинных исторических корнях может сохраняться в старообрядческой среде (*Наши дяды сюда усяяны были* – Рок.; *Прадзед жил в Расейи, потом убязал на Литву* – Каун.), однако родная сторона для староверов – это Литва, о чем свидетельствует, в частности, следующее высказывание, извлеченное, скорее всего, из повествования о мытарствах семьи и эвакуации в Россию в период первой

⁹ Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что разрозненные, выхваченные из контекста предложения, которые к тому же фиксировались «вручную», без применения звукозаписывающей техники, не могут сами по себе служить основанием для категорических выводов, но они вполне достаточны для наблюдений и постановки проблемы.

мировой войны: *Папашка мой в Расейи памёр, мамашка вярнулася с Расейи дамой* (Зар.).

Конфессиональная идентичность для староверов не менее важна, чем этническая. Данные вильнюсской картотеки подтверждают предположение о том, что именно *староверы* – это самоназвание, а *старообрядцы* – именование внешнее и официальный, книжный термин. Рассмотрению этой проблемы посвящена обстоятельная статья Ю. С. Кудрявцева, несомненный интерес представляют также опубликованные в виде приложения к указанной статье материалы дискуссии по данному вопросу¹⁰. Слово *старообрядец* в речи самих носителей говора встречается крайне редко, в то время как *старовер* не только чаще используется само, но и обладает дериватами. Ср. примеры употребления слова *старовер* и его производных: *Образа сжигали, стали молиться в домах, вот и назывались староверы* (Бирж.). *По-моему, вера староверная справедливая* (Рок.). *Вси ряшили, что староверская вера правильная* (Рок.). *Читаю по-староверски, моленную хорошо знаю* (Игн.). Еще одним косвенным доказательством в пользу *староверов* как самоназвания, на мой взгляд, может служить тот факт, что единственное литовское слово с этим значением – *sentikis* – представляет собой точную кальку сложения *старовер*. Употребление более редкого именования *староверец*, скорее всего, обусловлено влиянием польского языкового окружения: *Вот это отцепилися староверцы* (Рок.). *Мы староверцы есть* (Рок.).

Таким образом, староверы отличают себя и от «расейских» русских и от местных православных. Зафиксированы в картотеке также этнонимы и «этнопрозвища» – староверческие наименования инонациональных соседей и то, как эти соседи именовали старообрядцев: *Литвины, литовцы – это всё равно* (Игн.). *Рудаков литвяк, по-литовски говорит, жона русачка* (Игн.). Последний пример интересен тем, что, судя по фамилии мужчины, вряд ли он является этническим литовцем. Не исключено, что именно родной язык играл для староверов стержневую роль при определении национальности человека. Но, скорее всего, под *литвяк* понимается ‘уроженец, житель Литвы’, тогда, соответственно, *русачка* в данном случае следует трактовать как ‘уроженка, жительница России’.

Литовцы староверов (или шире – всех местных русских) называли *масколюсами, москалями*.¹¹ Еще, по свидетельству староверов, литовцы называли старообрядцев *бурлаками, бурлёками, бурлёкасами*¹²: *Нас здесь называют бурлёки* (Шяуд.). *Литовцы говорят: ты бурлокас* (Мол.). *Бурлёки – так литовцы называют русских* (Шяуд.). *Все литовцы так и называют*

¹⁰ КУДРЯВЦЕВ. Ю. С. *Старовер и старообрядец: оценка в терминах?*. Русские староверы за рубежом: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия, IV. Тарту, 2000, с. 75 – 84

¹¹ *Масколюс* – литовская адаптация слова *москаль*, называющего переселенца по столице страны, из которой он прибыл (первоначально – ‘житель Московского княжества’). В словаре В. Даля слово снабжено пометой *южн.* и, кроме значений ‘москвич’, ‘русский’, у него есть и социальное: ‘солдат, военнслужажий’ (Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. II. Москва, 1989, с. 349).

¹² Два последних слова также носят «цитатный» характер, передавая русское *бурлак* в его литовском оформлении.

нас – бурлокай¹³ (Шяул.). Нередко в этом случае старообрядцы подчеркивают оценочный характер прозвища: *Бурлаками зовут, что бедные русские*¹⁴ (Шяул.). Ср. также: *При Смятоне русских людей простокишники* (от диалектного *простокиша*=*простокваша* – Б.С.) *называли* (Аник.).

Отличая себя от *расейских русских*, староверы подмечают и речевые различия в пределах одного языка: *Мы есть русские и в России есть русские, но разговор не косуется* (=?) (Игн.). *Ведомо, русские не так говорят* (Игн.). *Маленько разговариваем не так, как в Расеи* (Шяул.). *Родимец расейские называют падучая болезнь* (Йон.). *В Расеи называют лоси, здесь – елень* (Шяул.).

Староверы говорят *по-түтошнему*: *Я вот привыкли быти түтока, жить и говорить по-түтошнему* (Рок.). Свой природный говор они распознают безошибочно: *Забелинских* (т.е. жителей Изабелины – некогда большой старообрядческой деревни.– Б.С.) *узнаю по говорке* (Игн.). *Мы все воспитаны так в стариках, в нас говорка такая* (Зар.). *Але в нас всё иначе говорится* (Йон.). *У нас говорка такая, ня очень понятная* (Игн.). Подмечают староверы и реакцию сторонних слушателей на специфику их речи: *Кто к нам заязжал – смяютца, разговор бяларусски как, але русски* (Йон.).

Не чужда старообрядцам и идея того, что каждой местности присущ свой язык, со своими местными отличиями. Ср.: *В каждой губернии есть свой примов (приговор такой)* (Швянч.). *В каждой страны своя говорка* (Бирж.).

Отличия говора старообрядцами воспринимаются прежде всего как различия словарного состава. Специфику своего словаря сами староверы нередко склонны увязывать с их приверженностью старой вере, традиционным устоям жизни, стремлением сохранить то, что было завещано им дедами и прадедами: *Наш язык простой, и всё по старинке говорят* (Каун.).

Языковые новшества чаще всего неодобрительно воспринимались ревностными хранителями старой веры и старины. Старообрядцы ставят в один ряд покушения изменить что-либо в отправлении ими религиозной обрядности (что, в частности, побудило их искать пристанища на чужбине) и посягательства на родную речь. Так, безымянный сторонник чистоты языка убежден: *Тысячи лет хотели свярнуть с русского языка* (Игн.). В другом случае носитель говора с одобрением отмечает: *Печь так и есть. Оно с веку так звалось, не перяведено* (=не изменено, не переименовано) (Игн.).

Однако изменения во времени неизбежны, что вынуждены признать и самые ревностные поборники старины: *Старинное всё касуетца* (=кончается, уничтожается) (Бирж.). *Теперь всё по-иначеому*. К противопоставлению *в старину* vs. *теперь* применительно к языку мы еще вернемся.

Носители говора нередко сами подчеркивают существующую в речи множественность наименования одной и той же реалии. Ср.: *Грязный*

¹³ Литовская форма именительного падежа множественного числа.

¹⁴ ДАЛЬ В. кроме общеизвестного, отмечает у слова *бурлак* также значения 'крестьянин, идущий на чужбину на заработки' или даже просто 'неженатый, одинокий, бездомный, бродяга' (Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I. Москва, 1989, с.143).

человек – дыдка, пуйцила, засушенный, мазаник (Игн.). Или: Некрасивый – включий, страшной, несурзый, пужала (как пужала в огороде) (Игн.). В синонимические ряды могут входить диалектные идеографические и/или стилистические синонимы, однозначные слова литературного языка, синонимы, противопоставленные по принципу старое-новое и свое-чужое. Пытаясь объяснить наличие (и происхождение) синонимичных слов, сами староверы чаще всего приводят следующие причины:

Старое, уходящее слово заменяется новым.

Морковь счас все говорят, раньше баркан звали (Зар.). Таперешние булки называли бандуки (Кед.). Бедных называли бубыли, кутники (Игн.). Таперь згородой не называют, втеряли (=забыли), всё забором (Зар.). Раньше белку называли векша, а дятё белки векшенёнок (Шяул.). Таперь больше белку говорят, векша говорили раньше¹⁵ (Йон.). Сарай давней гувно называли. Колодец – ключ, петух – петун, вулица – двор (Йон.). Раньше говорили гульбишник, а щас картофляники (Зар.). Гягужини давней называли маёвкой (Игн.). В последнем примере новое слово – литовское заимствование, но для говорящего важен именно временной аспект. Иноязычность нового слова, очевидно, не ощущается. Вот вы счас говорите спички, а давней говорили сяржанки (Шяул.). Щас диван зовут, а раней – канапка (Игн.). Дубица или корыто – так лодку звали в старицу (Зар.). В бывшее время мы дом да постройку все хоромами звали (Игн.). Там живут зайцы, ослы с рогами, по-теперешнему – лось (Игн.).

Примеры можно множить до бесконечности. Старое, вынесенное из материнского говора слово – это по-кадашнему, по-дажнейшему, стародавнейшее, стародавнейшее слово. Смена старого новым нередко связана с изменением или утратой самих реалий: Раньше бяльё катали¹⁶, а таперь прасуют, или гладют (Йон.). Надо было сто пятьдесят килограммов зерна, или по-тогдашнему три пуры (Рок.). Пура – йето три пуда, или сорок восемь килограмм (Зар.). На пальто надявались такие пелерины, мехом обшитые. Так это и есть чейш (Зар.). Ферязи – длинное по пят. Бабушки ещё носили. Платье без рукавов (Зар.). Портки носили с гашиником, в старины так говорили (Аник.).

Иногда старообрядцы пытаются дать и более точные хронологические рамки употребления того или иного забытого слова: Платье сукенка звали, ещё как девка была (Шяул.). Плев и плевела начали говорить в колхозе, а раньше звали мякина (Каун.).

Изменения в языке старообрядцы склонны связывать и со сменой поколений: Старинные люди пол мост называют (Каун.). Стрекива – старое слово, таперешние крапива говорят (Зар.). Спички старые бабы сяржанки называют (Йон.). Сажень – так старики говорят. А это между дум рукам (Зар.). Это так старшие зовут (лавка – Б. С.), а молодяки так и зовут скамейкой (Игн.). Проблема отцов и детей актуальна и здесь: Пришодцы (очевидно, о детях – Б. С.), так говорили, что головастиков

¹⁵ Здесь стоит отметить восприятие смены наименования как процесса: уходящее слово употребляется реже

¹⁶ Глагол *катать* был мотивирован старым способом обработки высушенного после стирки белья, когда его разглаживали при помощи рубчатого бруска – *рубеля*, намотав предварительно на *каток*. См.: *Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия*. Санкт-Петербург, 1999, с. 294.

принесли, а бабушка говорит, что йето поварёшки, в старину их так называли (Зар.).

Иногда слово, еще продолжающее жить в свободном употреблении в речи старшего поколения, в устах молодежи употребляется преимущественно в составе фразеологизма. Ср.: *Старики говорят байня, а мы тоже говорим: как устроим сухую байню (=побьем, зададим взбучку)* (Шяул.).

2. Изменения в словарном составе говора, по предположению староверов, отчасти вызваны влиянием иноязычного окружения, утратой чистоты языка: *Тут вообще жили польские. Мешанка тут* (Мол.). *Наши слова такие мешаные* (Шяул.). *Он хороший, но такой мешаный язык* (Игн.). *Раньше называли слези, а когда язык стал смяшаться, и стали называть матицы* (Зар.).

Наличие в говоре дублетов нередко объясняется заимствованием слов у соседей, причем отнесенность слова к тому или иному языку-источнику далеко не всегда соответствует действительности: *Где телеги стоят, пащюра по-польску, возовня и есть по правильности* (Каун.). *Сарайчик по-старинному хабунька и поветка, это пащюра по-польску, пристроена к дому, дрова где лежат* (Каун.). Слово *пащюра* 'сарай или навес для хранения кормов, инвентаря' является литуанизмом (ср. лит. *pašiūrė* с тем же значением). Разумеется, в принципе не исключена возможность, что это слово попало из литовского языка в польский, а староверы, в свою очередь, позаимствовали его у поляков¹⁷, однако, судя по словарю Ю. Лаучюте¹⁸, слово *pażuga* 'склад для корма' известно лишь в августовском говоре польского языка, и в Картотеке польских говоров оно зафиксировано лишь как единица того же словаря Я. Карловича¹⁹, на который ссылается и Ю. Лаучюте²⁰.

В картотеке содержится немало подобных словарных генеалогий, свидетельствующих о том, что информанты-старообрядцы не владели языком, откуда, якобы, слово попало в их говор. Ср.: *Вот мы говорим корзна (=корзина), а у литовцев – кошик* (Зар.). *Неродная дочь – падчерка. Ну, это не русское слово. Литовцы так само скажут* (Зар.). Или: *Коло избы стрекава растёт, это по-русски, а по-литовски – крапива* (Зар.). Может считаться заимствованием и исконное слово литературного русского языка: *Шпалер называются, обои по-полску* (Каун.). *Горяйки по-русски, сыроежки по-польски* (Йон.). Мотивированное, с прозрачной внутренней формой слово чаще считается своим, а немотивированное приписывается языку соседей: *Ары по-литовски, а по-нашему – сотки* (Шяул.).

К подобным свидетельствам следует относиться с большой осторожностью еще и потому, что в краю, где на протяжении жизни одного поколения не раз перекраивались границы, менялась государственная отнесенность, политическое устройство, официальный язык, этнолингвистическая идентичность зависела от многих факторов и не всегда

¹⁷ См. об этом: ЧЕКМОНАС В. К. Социоллингвистической характеристике старообрядческих говоров Литвы. *Русские староверы за рубежом: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия*, IV. Тарту, 2000, с. 216.

¹⁸ ЛАУЧЮТЕ Ю. А. *Словарь балттизмов в славянских языках*. Ленинград, 1982, с. 58

¹⁹ KARŁOWICZ J. *Słownik gwar polskich*, t. I – IV. Kraków, 1900 – 1901.

²⁰ Эти сведения были любезно сообщены мне научным сотрудником академической Картотеки Словаря польских говоров, хранящейся в Кракове, доктором Ядвигой Ваняковой

определялась действительной этнической принадлежностью и собственным выбором человека. Поэтому когда старообрядцы говорят о *поляках, литовцах, гудасах*²¹, это не обязательно этнические поляки, литовцы и белорусы, к тому же национальная принадлежность и язык могут не совпадать. Иначе как понять, например, следующее зафиксированное в картотеке высказывание: *Мы при гудасах, поляках жили, из них знаем и польский, и литовский* (Йон.). Может быть, от таких *поляков*, языком которых в домашнем обиходе был литовский, и позимствовано упоминавшееся выше «пашура по-польску»? Ср. еще одно свидетельство того, что вопрос национальной идентичности в Литве не всегда решался просто: *Теперь назови поляком, и он образится (=обидится)* (Зар.).

Как же оценивают свой самобытный говор старообрядцы? Судя по материалам вильнюсской картотеки, староверы дорожат им как исконным, природным, однако часто считают, что это язык малограмотных, необразованных, деревенских людей. Прочитую фразы диалогов старообрядцев со студентами (которые для староверов – люди ученые и городские), проявляющими интерес к их говору: *Интересно али разом и плохо я говорю* (Игн.). *А вам что – интересны, которые неправильно говорят?* (Игн.). *Баба – это некультурно. Это наши мужики иногда говорят: „Вон баба пошла“* (Зар.). *Пытает человек учёный калыкающую бабу.* (Игн.). *Йето, верно, по-грамматическому так зовут* (Зар.). *Мы не на грамматике говорим* (Зар.).

Старообрядцы, по их собственным словам, говорят «не по грамматике», а «по-простому», отсюда и расхождения между словами литературного языка и диалектными. *„Грамотный и простой и сейчас-то не тасуются“* (Зар.), – илософски отмечают старообрядцы, хотя нередко знают литературные синонимы диалектных слов и обычно воспринимают свой говор и литературную речь студентов как разновидности одного языка: *Але и ваш так само разговор, можа токо по-городскому* (Игн.). *По-городскому называется красная смородина, а в деревне – парочки.* (Шяул.). *Тут называли коли, по-городскому – когда* (Аник.). *Они называют по-хорошему клюква, а по-деревенскому – журавина* (Мол.). *Белка по грамматике, а мы называем ещё векша* (Шяул.). *Жуха или стрекло, а теперь по-вучёному крапива* (Зар.). Ср., однако, и такой взгляд: *Калика – по-русски, а как по грамматике – бруква* (Зар.). О себе же старообрядцы самокритично говорят: *Учёность в нас только церковная* (Йон.).

Старообрядцы «больше по старинке говорят, не выламываются» (Каун.): *Наш язык простой, и всё по старинке говорят* (Каун.). *Мы на просто разговариваем* (Мол.). *В нас говорят по-простому* (Зар.). *Мы не чисто по-русски говорим, по-простому* (Мол.). Литературное слово может обладать и преимуществом перед «простым», диалектным, отличаясь от него стилистически: *Жебрак – говорят просто, а ниций – деликатней* (Йон.).

Так воспринимают себя и свой говор староверы Литвы, живущие в условиях диаспоры, в инонациональном и иноконфессиональном окружении свыше трех веков.

²¹ Ср. лит. *gudas* 'белорус'. Подробнее о данном этнониме и его вариативном применении в Литве см.: КАРАЛЮНАС С. Из проблематики формирования балтийских и славянских этнонимов. *Kalbotyra* 47 (2): *Slavistika Vilnensis*. Vilnius. 1998, с. 7-28.

Сокращенное обозначение районов Литвы:

Аник. – Аникщяйский
Бирж. – Биржайский
Зар. – Зарасайский
Игн. – Игналинский
Йон. – Йонавский
Каун. – Каунасский
Кед. – Кедайнский
Мол – Моветский
Рок. – Рокишкский
Швянч. – Швянченский
Шяул. – Шяуляйский

Birute Sinochkina

Vilnius University

Saltoniškių 21 – 9, LT-2004 Vilnius, Lithuania

Tel.: (370 – 2) 790223

E-mail: bisin@delfi.lt

THE LANGUAGE AS THE MIRROR OF SELFIDENTITY
(THE OLD BELIEVERS IN LITHUANIA SPEAK ABOUT THEMSELVES)

Summary

The analysis of the verbal material belonging to the dialects spoken by the Old Believers in Lithuania permits us to draw certain conclusions pertaining to the degree of self identification of those people who live in the surroundings of different languages and different religious creeds. Basing our conclusions on the records of their speech, we can determine that they are conscious of their difference from the local Russians belonging to the Russian Orthodox Church as well as from the Russians living in Russia. Conscious of the specificity of their dialect, the Old Believers are inclined to connect their way of speech with their loyalty to the old forms of religious faith as well as to the traditional forms of life and to their attempts to protect all that their ancestors have bequeathed to them.

The synonyms current in the dialect of the Old Believers form binary pairs such as old / new, one's own/belonging to strangers, simple / learned, rural / urban, etc.